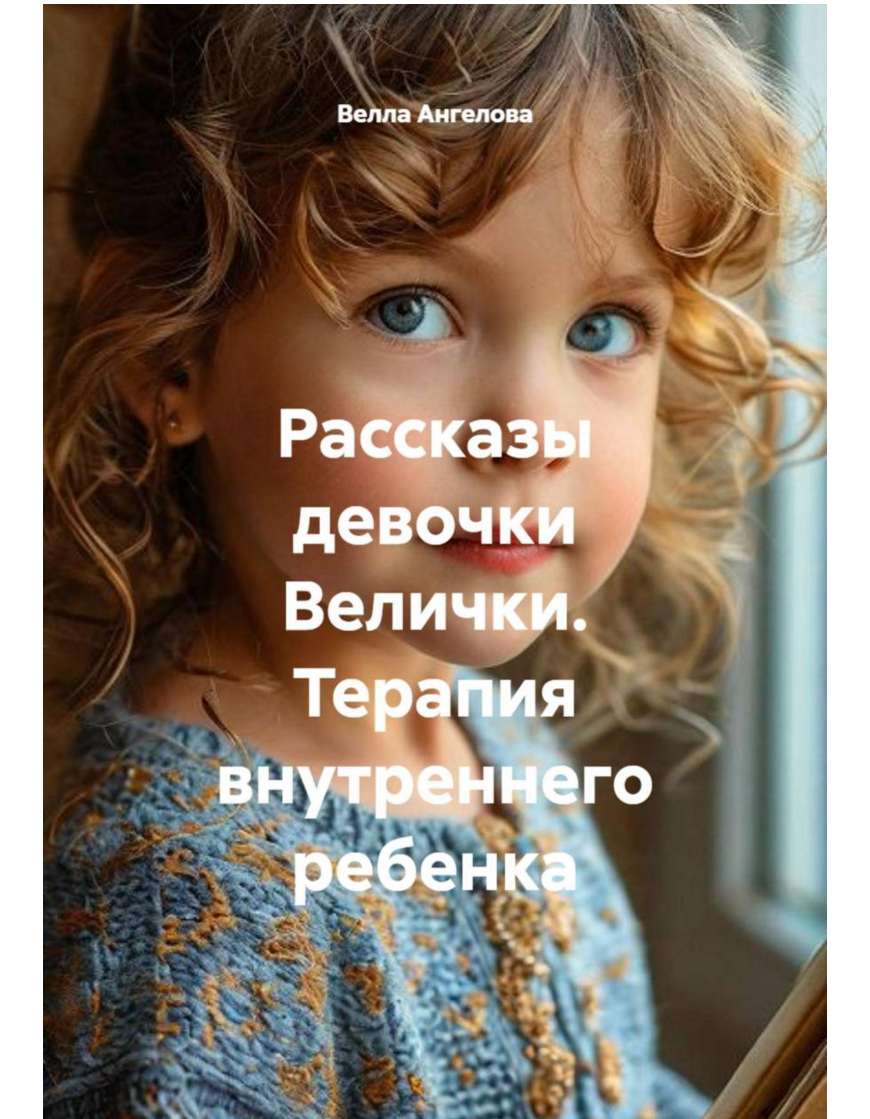

Велла Ангелова

**Рассказы
девочки
Велички.
Терапия
внутреннего
ребенка**

Велла Ангелова

Рассказы девочки Велички.

Терапия внутреннего ребенка

<https://litres.ru/74368858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эту книгу я посвящаю своему внутреннему ребенку, своей девочке Величке. Это мое имя, так меня звали в детстве, сейчас никто уже так не зовет, и я очень по нему скучаю.

Много лет назад я увлеклась психологией, которая привела меня к поиску себя, к поиску ответов на вопросы: кто эта женщина в зеркале, какая она, что любит, что не любит, какие у нее мечты? Я - не знала.

Я пошла в терапию. При работе с травмой я вернулась в детство, работая со своим внутренним ребёнком я поняла, что почти не помню своего детства в отличии от моей дочери, которая помнит свое детство достаточно подробно во всех возрастах. Мне очень захотелось вспомнить и вернуться в те далекие дни 80-х годов прошлого века. Приглашаю вас в это мое ретро - путешествие.

В своем повествовании я постаралась передать состояния своего ребенка. Эта книга - медитация, книга –погружение. Также эта книга — терапия, трансформационная история для

моего внутреннего ребёнка. Будет полезна и для терапии вашего внутреннего ребёнка.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Южный Урал. Глава 1. Вокзал. Едем к бабушке и деду.	7
Глава 2. Амур	13
Глава 3. Застолье и веселье.	18
Глава 4. Женя.	22
Глава 5. Речка.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Велла Ангелова

Рассказы девочки

Велички. Терапия

внутреннего ребенка

Предисловие

Эту книгу я посвящаю своему внутреннему ребёнку — девочке Величке. Так меня звали в детстве, и сейчас, когда никто уже так не зовёт, я особенно остро скучаю по этому имени.

Много лет назад я увлеклась психологией — и это стало дорогой к себе. Я искала ответы на самые простые и самые сложные вопросы: кто эта женщина в зеркале, какая она, что любит и чего боится, о чём мечтает? Я не знала. И пошла в терапию.

Работая с травмой, я вернулась в детство. А разбираясь со своим внутренним ребёнком, вдруг с удивлением поняла: я почти не помню своего детства. При этом моя дочь помнит своё в мельчайших подробностях, по годам, по сезонам, по запахам. И мне очень захотелось вспомнить, вернуться в те далёкие дни 80х.

Приглашаю вас в это моё ретропутешествие. Моя книга — не хроника событий, а попытка восстановить утраченные ощущения. Это медитация и погружение: в запахи, звуки, прикосновения, в те состояния, которые живут в теле, даже если память их стёрла. Здесь мало диалогов — много чувств и переживаний моего внутреннего ребёнка.

Эта книга — моя терапия. Трансформационная история, написанная для девочки Велички, чтобы бережно исцелить её раны и переписать сценарий детства. События, описанные здесь, действительно происходили, но отношения между взрослыми, между взрослыми и ребёнком я переписала так, как хотелось бы видеть их моему внутреннему ребёнку: полными тепла, безопасности и принятия.

Я писала эту книгу для неё — для Велички. И для себя — для женщины Веллы.

Возможно, читая эти страницы, кто-то узнает в Величке себя и тоже захочет бережно поговорить со своим внутренним ребёнком.

Часть 1. Южный Урал. Глава 1.

Вокзал. Едем к бабушке и деду.

Лето, мне пять лет, и мы на вокзале ждём поезд. Людей много, все с большими чемоданами и сумками, а странный голос из динамиков громко объявляет, какой поезд на какой перрон прибывает. Я хихикаю и представляю толстую смешную тётю с прищепкой на носу, потому что голос звучит в нос, и половина слов неразборчивы. Мне хочется заглянуть туда, где прячется этот голос: вдруг там и правда сидит тётя с прищепкой на носу? Я с мамой, и мы ждём поезд, мамину сестру и её сына — моего двоюродного брата Дениску. Дениска старше меня на два года, и мы здорово с ним дружим. От нетерпения я подпрыгиваю на месте, будто внутри меня пружина. Мне уже очень хочется, чтобы мы поскорее сели в вагон: я с братом заберусь на верхнюю высокую полку, будем болтать и глядеть в окно на проплывающие пейзажи.

А вот и они — тётя и брат. Ну всё, бежим на нашу третью платформу: выход к поезду через тоннель. Тоннель пахнет сыростью и чем-то железным, и я всё время заглядываю под ступеньки: вдруг там живёт маленький вокзальный гном, который следит, чтобы поезда не опаздывали? Дениска смеётся: «Ты опять выдумываешь!» А я просто очень хочу всё увидеть и ничего не пропустить.

Мы в купе: четыре полки — две внизу, две сверху. Я хочу немедленно залезть на свою верхнюю полку, но мама говорит, что нужно сначала устроиться, разложить вещи, застелить полки бельём и переодеться. Пока сидим на нижних полках, ждём, когда проводник выдаст нам бельё и стаканы для чая.

Толчок — и поезд не спеша трогается. Стук колёс, провожающие на перроне машут вслед. Нам никто не машет, но мне так хочется помахать в ответ, и я машу незнакомым дядям и тётям, улыбаюсь... и вижу, как кто-то из них тоже машет мне.

Верхняя полка и журнал «Мурзилка», красное надкушенное яблоко, форточка приоткрыта, и ветер приятной теплотой обдувает лицо. Чух-чух... Стук колёс, и меня качает в такт движению поезда. Брат уснул на соседней полке, я спать совершенно не хочу — смотрю картинки. А вот здесь рассказ про непослушную и смешную девочку Валю и её щенка Шурика. Я тут же придумываю продолжение: Валя берёт Шурика на поезд, и он лает на облака, потому что думает, что это большие птицы. У дедули тоже есть щенок, точнее уже не щенок, а молодой кабелёк — Амур, породы лайка. Скоро мы приедем, и я буду целых три месяца дружить с Амуром, ходить с ним на прогулку. Амур очень умный, его воспитал дедушка, а он толк в этом знает. У деда шкаф с книгами, дверка у шкафа стеклянная и видны полки на которых стоят книги, когда дверку открываешь она тихонечко скрипит. В

шкафу пахнет книгами. Люблю их запах. Есть полка, на которой все книжки про собак: какие бывают породы, как они появились, про собак героев и собак- спасателей. Я люблю, когда дедушка читает мне эти книжки и я люблю собак, так же, как он. Когда я вырасту у меня будут жить много- много разных собак, я буду их приводить домой с улицы, буду их учить командам и воспитывать, как дед. Даже на выставки буду их водить. И я представляю площадку для дрессировки собак, собак очень много и большие и маленькие, черные, белые и цветные, одна собака синяя, я хочу ее погладить, собака смотрит на меня и улыбается, я улыбаюсь ей в ответ, и мы бежим играть. Поезд резко дергается и тормозит, я стукаюсь головой о стенку, просыпаюсь. Перед глазами ещё мелькают собаки, а потом я просыпаюсь окончательно и вижу соседнюю полку, на которой спит брат, окно вагона. На секунду я не понимаю, где я, и сердце делает испуганный прыжок. Но тут слышу мамин голос и сразу становится спокойно.

Мы приехали. За окном утро, на улице туман. Нужно выходить быстро, потому что поезд на нашей станции стоит всего две минуты. Станция «Сулея», до дома бабули и дедули нужно ещё ехать на автобусе.

Сходим на перрон, поезд тут же шипит, как рассерженный кот, и трогается. Чух-чух... Поезд уезжает, мы ждём. Нам нужно перейти через пути к зданию вокзала, здесь нет подземного перехода, как в нашем городе. Идём через пути, пахнет шпалами, от тумана сыро и промозгло. Мама натяги-

вает капюшон вязаной кофты мне на голову, он колется, и я немедленно начинаю чесаться, зато в нём не мёрзнут уши. Мои уши слабые, как говорит бабуля: их нельзя простужать.

Пока идём, я всё время смотрю под ноги и по сторонам: вдруг увижу что-то интересное? Может, монетку, блестящую гайку или даже перо от какой-нибудь особенной птицы. Однажды я нашла на перроне пуговицу в форме звёздочки и носила её в кармане целую неделю, представляя, что это пропуск на космический корабль. Сейчас я тоже надеюсь найти что-то такое: маленькое, но очень важное. Мама тянет меня за руку: «Не отставай!» А я только успеваю кивнуть, потому что в этот момент замечаю, как туман цепляется за рельсы, будто хочет остаться здесь навсегда. Я хочу его потрогать — узнать, какой он на ощупь. Но времени нет.

Сходим с автобуса и идем по поселку к дому бабушки и дедушки, к дому, где росли мама с тетей. Это жёлтый трёхэтажный дом. Квартира бабушки и деда находится на первом этаже. Потеплело, туман рассеялся, но ещё прохладно. Бабушка встречает нас у подъезда. Мы обнимаемся, и она плачет. Я не понимаю, зачем взрослые плачут от радости. Когда я радуюсь, мне плакать не хочется, хочется смеяться и прыгать. Но сейчас я немножко пугаюсь этих слёз: вдруг бабушке грустно? Я прижимаюсь к ней крепче, будто так смогу забрать её грусть. А она гладит меня по голове и шепчет: «Я просто так рада, что ты приехала. Так рада...» И я понимаю: это слёзы от того, что кто-то очень нужен.

Входим в квартиру, пахнет пирожками - вкусно-вкусно. Дедушка встречает нас, у него в ухе слуховой аппарат. Дедушка потерял слух во время войны, без аппарата он ничего не слышит. Аппарат свистит, дедушка крутит колёсико — настраивает его. Я стою и смотрю, как он это делает, будто это какой-то волшебный прибор, который собирает звуки из воздуха. Мне хочется спросить, слышит ли он сейчас, как я дышу, или как у меня стучит сердце, но я боюсь, что это глупый вопрос.

Я соскучилась сразу по всем и по всему: по людям и по предметам. Я узнаю всё. Вот зеркало в коридоре — трюмо. Вот под ним подпол: там бабуля хранит варенье и картошку, и туда ходит кошка Мурка. Кошек я люблю так же сильно, как собак, но эта кошка Мурка сердитая, она царапается. Бабушка говорит, что кошка недавно окатилась, это значит, что у неё появились котятки, и она сейчас ещё сердитее, поэтому её трогать нельзя. Жаль. Мне не терпится посмотреть на котят. Я уже придумала им имена: Пушок, Пятнышко и Тихоня. И пусть Мурка пока не разрешает их гладить, я всё равно буду тихонько сидеть рядом и смотреть на них и потихоньку гладить, пока она умывается.

Узкий коридор ведёт на кухню, мы разделись и сразу идём мыть руки и пить чай с пирожками. Ещё есть каша, но я её не хочу. На плите варится суп, в духовке курица с картошкой: бабушка уже готовит обед, хотя ещё очень рано, солнце только взошло. Впереди летний долгий день: вкусный суп,

бабушка с дедом, котята, огород и пёс Амур.

И тут я вспоминаю про гуся. Однажды он захлопал крыльями, вытянул шею, зашипел и побежал за мной. Я тоже побежала, он догнал и ущипнул за ногу, было больно. Но это не значит, что я перестала гулять по посёлку. Наоборот: теперь я хожу и присматриваюсь к гусям, пытаюсь понять, как они решают, кого щипать, а кого нет. Может, они выбирают тех, кто слишком быстро бежит? Или тех, кто смотрит им прямо в глаза? Я всё хочу спросить у дедушки, но пока не решаюсь. Зато я точно знаю: любопытство сильнее страха. И если бы гусь снова выбежал, я бы, наверное, не побежала. Я бы остановилась и сказала: «Ну, покажи, что ты умеешь». Хотя, может, и побежала бы. Чуть-чуть.

Откусываю пирожок с луком и яйцом, жмурюсь от удовольствия и улыбаюсь. Я у бабушки и у дедушки, впереди солнце, лето и всё самое лучшее. И ещё впереди столько вопросов, столько маленьких тайн, которые хочется разгадать.

Глава 2. Амур

Мы подходим к саду. В городе такие места называют дачами, а здесь, в селе у бабушки, — сады или огороды. В наш огород ведёт тропинка, которая уходит между двумя гаражами вглубь. Я представляю себя в настоящем лабиринте: тропинка такая узкая, что мы идём гуськом друг за дружкой — дедушка, бабушка, брат, я. В груди всё трепещет от предвкушения: сейчас откроется ворота, и Амур снова будет кружиться, лаять, вставать на задние лапы.

Мама и тётя остались дома — готовятся к встрече гостей. Вечером придут их подружки, а это значит, будет стол со всякими вкусностями, будут дети, будет весело. Но мне сейчас важнее другое: оказаться в саду, где всё знакомо до последней дощечки.

Мы прошли через «лабиринт», и дедушка уже открыл ворота. Слышим радостный лай и повизгивания Амура. Я прохожу следом, и здесь мне тоже всё очень знакомо: вот дощатая калитка, вот на ней навесной замок, вот на земле доски, по которым мы проходим в сад, а вот и будка, цепь, и на ней — Амур.

Амур большой, пушистый, тёмной масти, и хвост у него — кренделем, как говорит дед. А глаза — голубые и лукавые. Ещё у Амура на морде родинка — такая маленькая, будто кто-то поставил точку, чтобы никто не перепутал его с дру-

гим псом. Он очень красивый.

Цепь звенит. Амур встаёт на задние лапы, виляет хвостомкренделем и заливисто лает. Дедушка пытается его успокоить, нам подходить не разрешает: говорит, что Амур от радости нас с ног свалит. Мы ждём, пока пёс немного успокоится, но дедушка всё равно держит его за ошейник и только потом разрешает подойти поздороваться.

Мы с братом подходим. Амур ставит лапы нам на плечи, облизывает щёки и нос. Это весело, и я смеюсь, а внутри всё поёт: вот оно, настоящее счастье — когда тебя так искренне рады видеть. Даже если ты просто маленькая девочка, для Амура ты — целый мир.

В саду ещё ничего не выросло, но всё посажено, как говорит бабушка. Я хожу мимо грядок и дышу горным воздухом — он вкусный, густой, будто в нём смешаны запах травы, земли и солнца. Мне кажется, что небо здесь ближе, чем у нас в городе. У нас в городе гор нет, а здесь — есть, и небо ближе, и всё какое-то другое, даже деревья: они будто знают меня и тихо шепчут: «Ты дома».

Брат зовёт меня играть. Дед достал коробку с нашими игрушками — здесь мои куклы и машинки брата, всё такое знакомое и будто немножко забытое, как сон, который помнишь, но не можешь ухватить. Я радуюсь, достаю своих кукол, пупсиков, игрушечную посудку — и сразу вспоминаю, как мы с ними устраивали целые чаепития, приглашали всех: и бабушку, и деда, и даже Амура, если он не слишком занят

охраной территории. Брат показывает свои машинки, он тоже соскучился по ним и рад.

Дед вытаскивает из сарая основание от кровати — сетку, на которой можно прыгать, — и ставит её напротив будки Амура. И начинается веселье: мы с братом забираемся на эту железную сетку и прыгаем. Амур заливисто лает и тоже прыгает, только на своём месте, возле будки. Бабушка с дедом смеются, и этот смех такой тёплый, что кажется, будто он согревает даже тени в саду.

А потом меня укусила пчела. Смех обрывается на полуслове, и вместо радости в груди вдруг колет страх. Я не поняла, как это случилось. Наверно, она села мне на руку и защекотала ладошку, я зажала её в кулачок, и она ужалила меня в безымянный пальчик. Больно, хочется плакать, но я терплю. Рассматриваю, как палец мой распухает, становится красным, и на нём появляется какойто круг. Внутри всё сжимается: вдруг будет ещё больнее? Вдруг это навсегда?

Бабушка говорит, что нужно выдавить жало и сделать компресс из соды. Я начинаю бояться, что будет больно, не хочу давать руку, но бабушка спокойна и непреклонна: нужно обработать пальчик. Её голос звучит так твёрдо и в то же время так ласково, что мне становится чуть легче. Я протягиваю ей руку и раскрываю ладошку. Вот и всё — жала нет, палец завязан носовым платочком, смоченным в воде с содой. Прыгать уже не хочется. Хочется просто постоять рядом с бабушкой и убедиться, что мир снова стал безопасным.

Дедушка собирается на прогулку с Амуром, и мы с братом просимся с ним. Гулять идём в лес — он совсем рядом, за углом. До леса дедушка ведёт Амура на поводке, а когда мы входим в лес, он его отпускает, и пёс с радостным лаем убегает кудато в кусты. Мне тоже радостно, в груди как будто щекотно от переполняющих чувств свободы и счастья. Люблю лес и люблю этот посёлок. Здесь всё живое, и даже тишина звучит поособенному — будто шепчет сказки.

Амур бегают радостно, прижимает уши и лает звонко. Он тоже рад свободе и тоже любит наш лес. Дедушка рассказывает нам про породу лайка: это охотничья порода, поэтому у Амура отменный нюх и слух, он может запросто услышать белку и не испугается медведя. Пока дед говорит, Амур замирает, нюхает воздух, уши напряжены, и дедушка тихо проносит: «Вот, слышишь? Он уже на охоте». И мне кажется, что я тоже что-то слышу — не слова, а сам лес: дыхание ветра, шорох травы, далёкий крик птицы.

Я думаю, как было бы здорово встретить белку и медведя. Белка мне представляется в фартучке, с корзинкой в руках, в которой лежат шишки, а медведь — большим и косолапым, как в стишке: «Косолапый мишка по лесу идёт, шишки собирает, песенки поёт...» Я представляю, как из белкиной корзины выпала шишка и попала мишке в лоб, мишка разозлился и ногой — топ! И от этой картинки мне снова хочется смеяться.

А дедушка улыбается, и я понимаю: в этом лесу мне ни-

чего не страшно. Пока он рядом, можно бояться только пчёл — и то недолго.

Глава 3. Застолье и веселье.

Мы дома, за столом. У нас гости. Стол стоит в большой комнате, и на нём столько всего — глаза разбегаются. Тут и вкусное, и то, что я терпеть не могу. Например, солёные помидоры — они такие скользкие, будто хотят сбежать с тарелки, и я точно не стану их есть. Колбаса с салом тоже не по мне. И пирог с рыбой... от него пахнет чем-то далёким и грустным, не таким, как запах бабушкиных пирогов с вишней.

Зато есть и настоящее счастье: пельмени, горячие, сочные — их я готова есть целую гору. Варёная колбаса, мягкая и простая, без всяких хитростей. Варенье — густое, в нём попадаются кусочки ягод. И конфеты «Гулливёр»: вафельные, большие, такие, что их хочется рассматривать, прежде чем съесть. Но их мало, и нам выдают по одной — поэтому я свою берегу, держу в ладошке, растягиваю момент.

Мы пьём чай и слушаем непонятные разговоры взрослых. Почему-то сначала они говорят о самом скучном: кто где работает, сколько стоит колбаса, как хочется на море... Эти слова звучат как будто издалека и мне они не нужны. Но потом взрослые начинают петь, и всё меняется.

Песни делают комнату больше. Скатерть свисает со стола, и мы с братом и другими ребятами залезаем под неё — и вот уже не комната, а наш собственный домик, тайное убежище.

Мы жуём печенье и качаем головами в такт песням.

— Виновата ли яаа, что люблюуу...

А потом другая:

— Вот ктоо с гооорочки спустилсяаа...

И бабушкина любимая:

— Сердце моёоо не каамень...

Я тоже люблю петь, но не эти песни. Мне нравятся те, что поёт Алла Пугачёва. В них столько силы, каждая нота — как крыло, на котором можно улететь куда угодно. Я люблю играть, будто я — Алла Пугачёва, а моя кукла, которая умеет ходить, если нажать ей на ладошку, — моя дочка Кристина. Я представляю, как выхожу на сцену, а зал затаил дыхание. И скоро меня правда попросят спеть что-нибудь из репертуара Аллы Борисовны. Я знаю, что попросят, — и жду этого, как ждут первого снега: хочется, чтобы он наконец пошёл, и чтобы все увидели, какой он красивый.

Печенье кончилось, хочется пить, и я вылезаю из под стола. Прошусь к маме: «Налей компот, пожалуйста!» Мама наливает — вишнёвый, густой, с лёгкой кислинкой, от компота становится радостно на душе. Пью маленькими глотками, чтобы хватило подольше. Мама смотрит на меня, улыбается и тихо говорит: «Ну-ка, спой нам что-нибудь, как Алла Борисовна».

Я знала, что она попросит. Ждала этого и теперь пою с удовольствием, даже немножко гордо:

— Без меня тебе, любимый мой, земля мала, как остров...

Все хлопают, хвалят, улыбаются, и я улыбаюсь в ответ — так широко, что, кажется, улыбка не помещается на лице.

Брат предлагает сыграть в жмурки, и мы убегаем в соседнюю комнату. Нужно выбрать, кто будет водить, — без считалки никак:

«На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной... Кто ты будешь такой? Выходи поскорей, не задерживай добрых и честных людей!»

Водить выпадает брату. Ему завязывают глаза бабушкиным поясом от халата. Он ходит по комнате, руки вытянуты вперёд, будто пытается нащупать сам воздух. Мне кажется, он немножко подглядывает — щелочка между поясом и бровями всётаки есть. Но даже если и так, нам всё равно весело.

Места мало, поэтому мы бегаем не по полу, а по верхам: прыгаем со стула на стул, забираемся на подоконник, даже на стол — словно мы не дети, а стайка озорных птиц. Нас семеро, и мы визжим, хохочем, топаем — шум такой, что, наверное, слышно даже в соседнем селе. Подушки на полу — мы их кидаем друг в друга, и они летят, как мягкие облака.

Приходит бабушка, качает головой, но в глазах у него пляшут смешинки.

— Нука, марш на улицу! Там дурачьтесь, только со двора не уходите — уже поздно.

Мы выбегаем во двор, садимся на скамью под окнами и слышим, как поют наши родители. Нам смешно, мы хихикаем и изображаем их: разеваем рты, гримасничаем, стараем-

ся петь так же громко и серьёзно. И в этом тоже есть своя радость — быть рядом, быть частью этого застолья.

Начинает смеркаться. Ветер тёплый, воздух вкусный и влажный, пропитан запахами палисадника: цветов, травы и далёкого дождя. Вдалеке прокатывается раскат грома — будет дождь. И это тоже хорошо: дождь смоем пыль, напоит землю, а мы посидим ещё немного на скамье, слушая, как мир готовится ко сну.

Глава 4. Женя.

Я знала, что Женя живёт на третьем этаже, хотя никогда не поднималась к ним. У них в семье было пятеро детей, и жизнь у них шла как по расписанию: кто поливает огород, кто выносит ведро с мусором, кто смотрит за младшими. Всё чётко, всё по делу. И от этой чёткости у меня внутри становилось как будто спокойнее: если у них всё так ровно держится, значит, мир умеет быть надёжным.

Женя дружил с моим братом и был старше меня на четыре года — целая вечность. Для меня он был почти как взрослый: много шутил и веселил нас, но, когда смотрел на меня, его глаза становились серьёзными. Мне казалось будто он всегда держит в голове список дел, которые обязательно нужно успеть. Он редко гулял с нашей компанией: то надо помочь папе, то нужно в огород — прополоть грядки, то сходить в лес за ягодами. Но когда он всё-таки приходил, наша бестолковая беготня вдруг обретала смысл, ведь рядом появлялся кто-то, кто знает, как эту беготню перестроить в интересную игру.

Его братья над ним подшучивали: «Ну что, опять твоя невеста приехала?» Женя тогда смотрел вниз, или в сторону, а мне хотелось, чтоб на меня, хотя я бы наверно отвернулась и сделала вид будто мне всё равно. Но внутри всё подпрыгивало, как пузырьёк в газировке, и хотелось одновременно

смеяться и спрятаться, чтобы никто не видел, как я улыбаюсь.

Однажды мы собрались идти за земляникой. Светка, моя подружка, дёргала меня за рукав: «Пойдём, там, где тропа у старого пня, там ягоды самые крупные!» Мы уже побежали вперёд, но Женя вдруг сказал: «Не той тропой. Тут крапива, а там, по краю поля, чище». И показал совсем другую дорожку — узкую, тихую, где трава была примята только его шагами. Мы свернули, и правда: тропа шла ровно, без ям, а по обочинам рассыпалась земляника, словно кто-то нарочно разложил её, чтобы нас порадовать.

Женя не стал собирать ягоды вместе с нами. Он только постоял немного, будто проверяя, всё ли в порядке, потом молча достал конфету из кармана и протянул мне. «На, — сладкая». И сразу отвернулся, будто это вовсе не важно, а так, пустяк. Но я знала, что он специально её сберёг для меня.

Я держала эту конфету в ладошке и чувствовала, как от неё идёт тихое тепло, словно она нагрелась на солнце и впитала в себя его лучи. В мире Жени всё было по делу: не тратить время зря, не забывать про помощь, держать слово. И на фоне этой взрослой собранности его маленький жест — простое «на, сладкая» — казался особенно важным. Как будто он сказал без слов: «Я тут. Если что — я покажу правильную тропу».

Мы набрали земляники, вернулись во двор, а Женя уже

ушёл помогать отцу. Но мне от этого не было грустно. Наоборот, становилось спокойно: он где-то рядом, делает как всегда своё важное дело.

Глава 5. Речка.

Я сижу на берегу речки. Речка горная, быстрая, и одной в неё заходить нельзя — опасно. Поэтому я хожу купаться только с бабушкой. Она плывёт уверенно, а я держусь за её шею, болтаю ногами и тоже будто плыву. Вода прохладная — даже сегодня, когда солнце жарит так, что, как говорит бабушка, «хоть яичницу жарь». В горах вода не прогревается никогда, остаётся прохладной всё лето, будто хранит в себе дыхание снега.

Река называется Ай. На указателе написано: «р. Ай». И мне кажется, что это и правда «рай». Мой рай — это лето, посёлок, бабушка, дед, лес. Это когда сидишь в полотенце, чтобы согреться после речки, а на голове — панاما, чтобы солнце не напекло.

Бабушка тоже в полотенце, на голове косынка, а в руках — книжка. Я наблюдаю за купающимися. Народу много: и взрослые, и дети. В такую жару всем хочется прохлады, которую щедро дарит горная речка. Я слушаю, как она шумит, — это ровный, спокойный звук, словно тихо напевает одну и ту же добрую песню. Голоса людей на берегу сливаются в один тёплый гул, солнце пробивается сквозь поля панамки, и я щурюсь от света, чувствуя, как внутри всё становится тише.

Бабушка достаёт «Мурзилку» — это моя «Мурзилка», я

брала её в дорогу, и мама ещё не всю мне прочитала. Я подвигаюсь ближе, почти прижимаюсь к бабушке, и прошу: «Прочитай про девочку Валю и её щенка Шурика!» Мама мне уже читала этот рассказ, но я готова слушать его ещё сто раз.

Конечно, на месте девочки я представляю себя, а на месте Шурика — Амура. И мы с ним тут же попадаем в разные весёлые истории, шалим посвоему. Я шалю нечасто, но бывает. Могу уйти со двора и пойти в гости без спроса. Приношу домой котят с улицы — мама не разрешает, поэтому я сооружаю им домик в подъезде, кормлю и пою молоком. Ещё я дружу со всеми собаками во дворе и совсем их не боюсь: они меня слушают и любят, прямо как деда.

Этой весной кот Борис поймал воробушка. Я отобрала его у кота и принесла домой, но меня с ним не пустили. Тогда я сделала домик из коробки, положила туда хлеб и налила воды в крышку от банки. Поставила коробку в подъезде на верхнем этаже. Воробушек там жил, и я хотела, чтобы он поправился после нападения и улетел. Три дня я его навещала. А потом он исчез. Я не знаю, куда он делся, но каждый раз, когда думаю об этом, шепчу про себя: «Пусть у него всё будет хорошо».

Солнце греет, «Мурзилка» лежит на коленях, и слова, которые читает бабушка, складываются в тёплую дорожку, по которой хочется идти всё медленнее и медленнее. Чувствую, как моя голова мягко скользит по бабушкиному предплечью.

И я засыпаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.